

И.С. Скорпанова
(Минск)

КИБЕРМАНЬЕРИЗМ

Киберманьеризм – пародийно-сатирическая ветвь творчества членов Ордена куртуазных маньеристов, возникшая на рубеже XX – XXI вв. как реакция на утвердившиеся в постсоветском обществе формы сексуального раскрепощения. Новая эстетическая программа «магистров и докторов эротических наук» изложена Андреем Добрыниным в предисловии к поэтическому сборнику маньеристов «Услады киборгов» [Добрынин 2000а]. Великий Приор Ордена предупреждает читателей, что в сборнике они не найдут привычных им галантности и изящества, напротив, встретятся с разгулом низменных инстинктов и казарменной лексикой. Изменились и герои: мужчина «из Мечтателя, живущего в мире возвышенных чувств», «превратился в дерзкого мерзавца», для которого побудительным мотивом к действию «является лишь его необоримая тяга к низменным удовольствиям и стяжательству да подчас еще тщеславию» [Добрынин 2000а: 47], женщина из трепетного возвышенного существа – в циничную распутную особу, способную мертвецки пьяной валяться в канаве. «Благоуханная беседка в стиле рококо снесена, а на ее месте воздвигнуты то ли лупанарий, то ли зловонная казарма штрафбатальона» [Добрынин 2000а: 4]. Персонажи «Услад» действительно воспринимаются как гротескные пародии своих «предшественников». Это связано с изменением объектов изображения – отныне маньеристов интересуют массовые люди, именуемые киборгами и киборгессами. Добрынин пишет: «Присмотревшись к обычному поведению подавляющего большинства людей – наших современников, мы обнаружим, что оно по сути ничем не отличается от поведения человекоподобных кибернетических машин (для краткости – киборгов), а сами эти люди являются скорее квазилюдьми» [Добрынин 2000а: 5]. Подобно тому как кибермашины управляются извне, действия киборгов «определяются влиянием внешних раздражителей материально-чувственного характера: низменные потребности этих существ представляют собой своего рода клавиатуру, где каждая клавиша соответствует потребности субъекта в каком-либо предмете (или каком-либо удовольствии)» [Добрынин 2000а: 5]. Внутренняя жизнь у киборгов отсутствует. Их объединяет «отвращение к обобщенному мышлению и вообще ко всяким духовным усилиям...» [Добрынин 2000а: 7]. При определенных условиях киборг может проступить в любом, включая и самих куртуазных маньеристов. Поэтому «вглядываться в себя не менее полезно, чем вглядываться в окружающих киборгов» [Добрынин 2000а: 8]. Творчество, по мысли Великого Приора, способно помочь вернуть киборгу его человеческий облик. Вот почему завершает декларацию Добрынин лозунгом: «Да здравствует киберманьеризм!» [Добрынин 2000а: 10] и сообщением о создании внутри Ордена особого Приората киберманьеристов, в состав которого вошли Великий Магистр Ордена Вадим Степанцов, Великий Приор Ордена Андрей Добрынин и Командор-ордалиймейстер Ордена Константэн Григорьев.

По-прежнему считая своей основной задачей сотворение прекрасного, в культ возводя Эрос и наслаждение, авторы «Услад» рассматривают изображение метаморфоз киборгов как побочный (но тем не менее необходимый) результат своей работы. В произведениях этого типа они отказываются от новейшего сладостного стиля, в пародийно-ироническом и гротескном виде воссоздают «антикуртуазные» (антикультурные) формы сексуального раскрепощения, заявившие о себе вместе с

пришедшей свободой: «расцвет» проституции и низкопробных развлечений секс-индустрии, популярность порнухи, у которой проходят «учебу» вступающие в жизнь, увлечение противоестественным, виртуальное видеотраханье (киберсекс), татуировка тел возбуждающими секс-картинками и т.д. Высмеивая секс-уродов, маньеристы напоминают о чувствах, без которых киборги – просто антропоморфные секс-машины, и о культуре куртуазного поведения, без которой сексуальная жизнь общества похожа на скотный двор. Такая параллель проводится Степанцовым в стихотворении «Люди и киборги» [Степанцов 2004: 151]:

По жизни, как по скотному двору,
он носится – и с бешеным презреньем
втыкает бумбо в каждую дыру.

По мысли поэта, киборги – мутировавшие люди: оскотинившиеся и деградировавшие приверженцы Купидона (точнее – считающие себя таковыми). В своих сексуальных устремлениях они примитивны, циничны, уродливо-безобразны (какой бы ни была их «упаковка»); а кроме того, они очень похожи друг на друга, так как реализуют один и тот же сексуальный стандарт, навязываемый массовой культурой.

Целый ряд стихотворений Степанцов создает с использованием киберперсонажной маски, изнутри раскрывая психологию и секс-импульсы киборга, выражаемые посредством грубой разговорной лексики или сленга. «Недочеловеческие» качества мутанта заостряются, делая его смешным.

Поэт выявляет отсутствие у киборга мозгов, что выясняется, когда он пытается думать:

Я задумался о жизни – и кусок моей обшивки
вместе с биокерамзитом отвалился с головы,
обнажились проводочки и куски дрянной набивки,
потому что чем попало набивают нас, увы.

Что напихали безмозглому киборгу в голову, тем он и живет, считая себя «продвинутым» и «крутым» и не сознавая, что его «сконструировали» по определенному стандарту наподобие механической куклы, какие были популярны в эпоху Казановы.

Степанцов дает классификацию типов киборгов: делит их на российских и американских (те качественнее «сделаны», но уж совсем «тронутые»). Кроме того, он выделяет киборгов-наркоманов (которых «мак» и «кока» превратили в «подобие машины»), кибер-мальчишек, или пидоргов¹ (имеется в виду не «брак» Творца, а результат «труда» кибер-конструкторов, прессующих мозги относительно современного и модного), наконец, киборгессы² (киборги женского пола, не лязгающие, не скрипящие, не боящиеся «перегрева» и никогда не «закипающие»). С особой охотой киборги самоутверждаются в сексе, где есть чем заменить отсутствующие мозги.

В стихотворении «Голова» Степанцов раскрывает главное желание киберсексуала – это «потребление» партнера, не вкладывая в половой акт никаких чувств и ни за что не отвечая. Идеальная женщина видится персонажу стихотворения состоящей из одного тела – без головы. Женщине с головой нужно что-то говорить, выслушивать ее ответы, смотреть в глаза, а киборгу это ни к чему: его интересует одна «дыра».

¹ Пидорг – окказионализм, образованный сложением слова *пидор* и части слова *киборг* – «орг» («и» внутри усиливает созвучие).

² Киборгесса – окказионализм Степанцова, образованный сложением слова *киборг* и части слова *принцесса* – «есса».

Как жаль, что женщины Земли
не разбираются на части.
А то б на randevу пришли,
башку долой – и все, залазьте, –

вот мечта киберсексуала, мысленным расчленением женщины выдающего свою нравственную девиацию [Степанцов 2004: 90].

В «усеченном» виде воспринимает женщину и персонаж стихотворения «Малороссийская песня» [Степанцов 2000: 78]:

У хохлушек есть промежность, ноги, брови и коса.

«В законе» оказывается не облагороженный гедонизм, а грубый «натурализм» интимных отношений, – свидетельствует Степанцов в стихотворении «Новогоднее», представляющем собой пародийный парафраз кинофильма Эльдара Рязанова «С легким паром». Дикие, разнузданные страсти, описанные автором, порождены не любовью, а чувством собственничества, привычкой решать проблемы мордобоем.

Выразительно психологию киборга воспроизводит цикл стихотворений Степанцова «Мужья», в котором писатель пользуется авторско-персонажной маской. Наделение героя-рассказчика рядом автобиографических черт, во-первых, делает создаваемый образ более полнокровным, во-вторых, ошарашивает, поскольку «от первого лица» известный поэт спокойно признается в совсем не красящих его вещах [Степанцов 2004: 250].

Но образ автора-персонажа у Степанцова (как и у других киберманьеристов) травестирован, реальный автор играет с этой фигурой и подвергает ее пародированию. Сниженно-иронический характер изображения такого киборга-персонажа выявляет создание произведений посредством деконструкции культурного интертекста. «Опус № 3» данного цикла написан как бы «поверх» стихотворения Бориса Пастернака «Гамлет» из романа «Доктор Живаго». Но у Степанцова «опус» имеет подзаголовок – «Стихи без романа». Значение слова *роман* двоятся – это не только и не столько литературный жанр, сколько троп, используемый для обозначения развивающихся любовных отношений между мужчиной и женщиной. Киборг же предлагает собственное решение популярного литературного сюжета, живописуя свою сексуальную «победу», которую он одержал, отбив самку у самца, не смущаясь тем, что это муж женщины:

Муж затих. Я вышел на подмости.
Как блестяще я играл финал!
Я мизинцем трогал ваши слезки.
Пьяный муж в углу слегка стонал.

Герой-рассказчик демонстрирует свое превосходство над поверженным мужем-ничтожеством, повествует о происшедшем чуть ли не словами пастернаковского Гамлета. Но у Степанцова он оказывается объектом пародирования – необоснованные претензии делают персонаж смешным. Цинизма и низости своего поведения он не сознает, бахвалится тем, что в присутствии поверженного мужа совокупился с его женой – без любви и даже страсти, просто чтобы показать, какой он «крутой», презируя отдающуюся ему женщину за то, что не смогла найти себе мужика получше и полностью покорна воле «победителя», а потому – унижая ее во время полового акта. В этом случае изображение секса имеет антиэстетический характер. Распаляет «супермена» как раз нарушение неписаного кодекса человеческих отношений, и если он о чем-либо и жалеет, то только о том, что отсутствуют зрители, которые могли бы вознаградить его за «крутой» секс аплодисментами:

Мы слились друг с другом, как магниты,
и катались по полу в бреду.
Жаль, что спал единственный упитый
зритель на единственном ряду:

наше эротическое действо
стоило того, чтоб посмотреть.
Этот мир погубит фарисейство.
Жизнь прожить – не в поле умереть.

Все «хороши» в этом «спектакле»: и пьяница-муж, который «устранился» бы и сам, без избиения, рано или поздно впад в «отключку», и «мстятая» ему за пренебрежение жена, в сущности, санкционирующая коитус на глазах супруга, и распоясавшийся при отсутствии достойного соперника герой-рассказчик, возбуждаемый не женскими прелестями, а пикантностью ситуации и исполняющий роль «машины для секса». Однако, осудив других действующих лиц, себя «супермен» Степанцова видит триумфатором, гордится тем, чего нужно стыдиться. Он даже пытается философствовать, возводя свой цинизм в ранг бунтарства против «фарисейства», но понимает это слово по-своему: как существование определенных культурных норм, регулирующих поведение человека³. Киборгу они мешают, воспринимаются как путы, и свое скотство он проявляет открыто. Так что со страниц произведения встает не Гамлет, а комический урод, попирающий не только других, но и человека в самом себе.

И в других случаях пародийное цитирование классики оттеняет у Степанцова ущербность человеческих душ, направляемых грубой похотью:

Мурлычут кошки, ветер свищет, и койка гнется и скрипит.

Комедийная переделка романтического «Паруса» Михаила Лермонтова подчеркивает, что в сексе для киборгов нет поэзии, возвышенного порыва страсти – одна «проза» физиологии.

Чтобы усилить воздействие на читателя, побудить его соотнести прочитанное с собственной жизнью, поэт может адресоваться к нему непосредственно, под видом притворной похвалы подвергая потенциального киборга насмешке:

В общем, всех киборгов неудержимо
тянет срывать удовольствий цветы.
Если ты жаждешь такого режима –
значит, ты наш, значит, киборг и ты, –

констатирует Степанцов, избавляя читающего от иллюзий, что к нему все описанное отношения не имеет [Степанцов 2004: 148].

У Константина Григорьева [Григорьев 2000] появляются портретные зарисовки представителей молодого поколения, усвоивших новый любовно-сексуальный стандарт. Он сочетает в себе раскрепощенность и бесстыдство, соблазнительность и пошлость, полудетскость и развращенность. Такова мода, на которой растут новые киборги с будущими сломанными судьбами. Поэтому «Стихи о моей современнице»⁴ Григорьева пародийны и ироничны:

Крошка Би бисексуальна
и всегда возбуждена и пьяна.

³ И отделивших его от животного.

⁴ Название отсылает к одноименному стихотворению М. Светлова.

Цитирует философов, умна.

<...>

Обожает материться, трахаться и хохотать.

Как в такую не влюбиться? Как ее не уважать?

Соотнесение с образом передовой советской девушки вносит в произведение комедийную ноту, позволяет понять, что автор не столько восхищается шлюховатой красоткой, сколько развенчивает канон, которому она следует. Не слишком суров он потому, что «крошка» еще совсем юна и живет чужим умом, сделавшим из нее киборгессу. Девушка, в принципе, даже нравится поэту: хорошее и дурное в ней переплелись неразрывно, но она – копия других копий, глядящихся друг в друга, как в зеркало, исполняющих написанную им взрослыми роль «крутых» и не мыслящих отбиться от стада. Раскрепощение оборачивается новым закрепощением.

Повествует Григорьев и о «парнишке без комплексов»: он разбился, так и не осуществив свою заветную мечту: хоть раз в жизни заняться «групповухой». И опять-таки автор иронизирует над внедренным в сознание и бессознательное персонажа представлением о разврате как идеале.

Сексуальное образование в стране взяло на себя порно⁵, удостоверяет поэт в стихотворении «Гимн сладострастию» [Григорьев 2000]. Что тут увидят, то и повторят. Насмешничая, автор в маске киборга восклицает:

Что же, да здравствует жизнь и любовь,
и да здравствует порно!
Глянь, как мой стержень огромный
раздулся и сладко набух.

Качества киборга в стихотворении Григорьева проявляются в четкой ответной реакции на сигналы, посылаемые порно-фильмом. Эрекцию вызывает не желание обладания нравящейся живой женщиной, а неодушевленный возбудитель, превращающий человека в «перестроившегося» вуайериста.

Подобно Степанцову, Григорьев непосредственно апеллирует к читателю с предложением убедиться на его примере, как полезно порно; но это скрытая форма издевки над таким же героем, какого он осмеивает, поскольку автор неявным образом воспроизводит известный оскорбительный неприличный жест.

Как и другие киберманьеристы, Григорьев свидетельствует: секс реабилитирован, однако отделен от любви, живые чувства уходят. Поэт предлагает создать хотя бы «фракцию любви», он не хочет, чтобы люди были обделены ею, «деэволюция» (Степанцов) приобрела необратимый характер. И, может быть, именно любовь способна сделать из киборга человека, не теряет до конца надежды Командор.

Собственный аспект киберманьеризма – у Андрея Добрынина. На первый план у него выходит осмеяние «мужского шовинизма», поэтому он пользуется авторской маской киборга-фаллократа. Стихи добрынинского киберцикла – это «счеты» мужчины с женщиной и изрекаемые по поводу их взаимоотношений сентенции. Герой-мужчина, высказывающийся по поводу женских недостатков, одновременно сам является объектом авторской иронии.

Так, персонаж стихотворения «Я не могу никак понять», пожелавший овладеть спутницей в кинотеатре, назидательно предупреждает ее, чтобы не кричала, – испортит

⁵ Об этом же, иронизируя, пишет В. Пеленягрэ:

Давайте время проведем
Культурно, как интеллигенты:
Хлебнем пивка и заведем
Порнографические ленты [Пеленягрэ 1999: 271].

впечатление от фильма. Возмущаясь несдержанностью женщины, неспособной полностью отдаться искусству, он в то же время обнажает собственную бесчувственность и отделенность от сексуального акта, так как происходящее на экране интересует его больше, а фрикции он совершает механически.

Добрынинский «борец с кризисом» [Добрынин 2000б: 277], снимающийся в порно, заявляет, что будет джентльменом во взаимоотношениях с женщинами, когда у него появятся деньги, поскольку убежден:

любому скоту
Деньги в женских глазах придают красоту.

Косвенным образом он и характеризуется как скот, который ничем не лучше тех, кого собираются «покупать», выступая в роли «хозяина», хотя бы и в маске джентльмена.

Совет другу, преподносимый киборгом-фаллокротом в стихотворении «Что ты на женщину смотришь, товарищ?», – не «миндальничать», а «наступать», добиться своего и растлить: из недотроги сделать любвеобильную самку, на которую можно будет смотреть свысока, презрительно. Чтобы красотка «не чванилась», ее следует подвергнуть унижениям на «ложе бесправия» («Красотка – существо пустое»), соединяя секс с садизмом (пусть нравственным) и демонстрируя свой статус «господина». Большое удовольствие – над женщиной поиздеваться: не без труда добиться ее ласк, покинуть и сделать вид, что не помнишь («Интересуешься ты, как надругаться над дамой»). «Воля к власти» совершенно вытесняет во всех этих советах естественные человеческие чувства. Киберперсонаж самоутверждается в своем мужском превосходстве над «низшим» существом, которое должно его услаждать, не помышляя о равенстве.

У Добрынина [Добрынин 2000б: 318] «максимы» фаллократа, да и он сам, подвергаются пародированию. Активно используется для этих целей классика. Например, величественный слог древнегреческого эпоса применяется киберперсонажем для восхваления своего фаллоса:

Знай – золоченая медь дремлет в штанах у меня, –

и такой «перебор» вызывает смех.

Аналогичную функцию имеет обращение к классическим произведениям русской литературы. В стихотворении «Скажи нам, Сухово-Кобылин» [Добрынин 2000б: 352] автор в маске кибер-персонажа как бы спорит с прославленным драматургом, герой которого убивает изменившую женщину, и ставит в пример себя:

Довольно дюжины ступеней
И пары добрых оплеух –
Ведь несовместны светлый гений
И злодеянья мрачный дух.

На самом деле считающий себя служителем добра и красоты, чуть ли не гением подонок высмеивается. Он даже не сознает постыдности производимой расправы, поучает свою жертву правилам нравственного поведения. К тому же у него двойная мораль: для себя и для других. То, за что женщина оскорбительно наказывается, он практикует постоянно. Понятие «измена» к нему применить затруднительно, поскольку безостановочная смена партнерш – стиль его жизни. Поэтому слова о несовместимости гения и злодейства в гораздо большей степени относятся к настаивающему на своем превосходстве киборгу.

В стихотворении «Остановился жизни ход» персонаж говорит врачу, что совершает по 16 секс-актов за ночь и меняет за неделю 40 женщин, так что даже получает предложение стать секс-тренером. Перефразируя опять-таки Пушкина («Не продается

вдохновенье, / Но можно рукопись продать»), добрынинский секс-чемпион возмущенно заявляет, что он не продается и наслаждение не продаст. Казалось бы, счет в его пользу, и даже Пушкина он превосходит. Но добрынинская ирония проникает и сюда. Замена пушкинской «рукописи» «наслаждением» и невольное уподобление неоплачиваемому секс-тренеру (секс-машине) служит комедийному снижению образа: в супер-мужчине проступает сексуальный маньяк, эрегирующий каждые полчаса на протяжении всей ночи (то есть он воспринимается как персонаж анекдота). Днем нужно отоспаться, на литературу времени и сил не остается. Поэтому «рукопись» он и не может «продать» – ее нет. Похваляющийся супер-потенцией не должен забывать, что маниакальная заикленность на одном оборачивается ущербом в другом. Резкий перевес (гипертрофия) секса нарушает баланс человеческого существования так же, как его «нехватка» в жизни индивидуума. Таков «урок», преподносимый стихотворением «доктора эротических наук» Добрынина: раскрепощайся, но не до стадии осла.

И если Григорьев к классификации киборгов Степанцова добавил киборга-вуайериста (новой формации), то Добрынин – киборга-фаллократа и киборга-секс-машину. Используя различные средства комического, поэт дает возможность вдоволь посмеяться и над «мужским шовинизмом», и над превращением секса в патологию, и над выхолощенностью самых интимных человеческих отношений. Смех же порождается торжеством «духа, знающего радостное и прекрасное» (Н. Тэффи), его функция – очистительная.

Но куртуазные маньеристы не были бы постмодернистами, если бы лишь указывали пальцем на других, чьи пороки они подметили. Поскольку наряду с «зарисовками с натуры» и Добрынин, и Григорьев, и Степанцов создают образы киборгов с использованием авторско-персонажных масок, они не ограничиваются лишь пародированием, но осуществляют и самопародирование (смеховую самокритику), ибо знают и за собой недостатки, о которых пишут (естественно, все заостряя, спрессовывая и добиваясь яркой художественной выразительности). В этом проявляются и творческая смелость, и честность, и желание быть лучше. В декларации Добрынин указывал: «...Киборг всегда сконструирован на основе человека... Поэтому каждый из нас – немного киборг, и для успешного исследования взглянуть в себя не менее полезно, чем взглядываться в окружающих киборгов» [Добрынин 2000а: 9].

Поскольку киборг и человек – существа взаимобратимые и «в течение своей жизни и киборг может сделаться человеком, и человек – сделаться киборгом, а иные умудряются на протяжении всего земного пути по несколько раз побывать в этих столь различных состояниях» [Добрынин 2000а: 9], веселые, остроумные, а подчас резкие и язвительно-саркастичные стихи киберманьеристской направленности играют роль современной «бани», помогающей смыть всякого рода грязь и мерзость с человеческих душ. Кому-то ведь и станет стыдно, когда он «опознает» в секс-киборге/подонке себя и увидит, как он смешон. А еще лучше, если потенциальные киборг и киборгесса узнают это заранее и получат «прививку» на будущее.

ЛИТЕРАТУРА

Григорьев 2000 – *Григорьев К.* [Стихотворения] // Орден куртуазных маньеристов. Услады киборгов. М., 2000.

Добрынин 2000а – *Добрынин А.* Паладины невыразимого, или От куртуазного маньеризма к киберманьеризму [Предисловие к сборнику] // Орден куртуазных маньеристов. Услады киборгов. М., 2000.

Добрынин 2000б – *Добрынин А.* [Стихотворения] // Орден куртуазных маньеристов. Услады киборгов. М., 2000.

Пеленягрэ 1999 – *Пеленягрэ В.* «Друзьям не стоит доверять...» // Орден куртуазных маньеристов. Клиенты Афродиты, или Вознагражденная чувственность. М., 1999.

Степанцов 2000 – *Степанцов В.* Малороссийская песня // Орден куртуазных маньеристов. Услады киборгов. М., 2000.

Степанцов 2004 – *Степанцов В.* Мутанты Купидона. М., 2004.